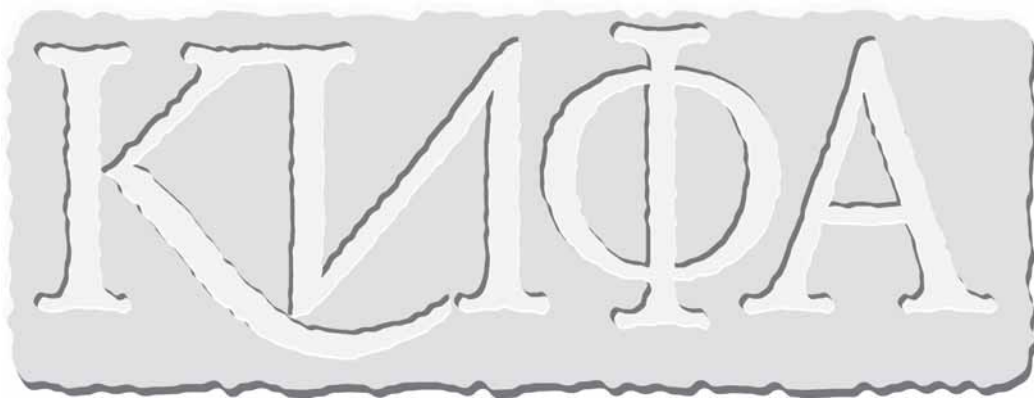




ОТКРЫТАЯ ВСТРЕЧА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Фрагменты беседы предстоятеля Русской церкви с жителями города



Для меня большая радость встретиться сегодня с вами уже не в богослужебной, а в светской обстановке, которая предоставляет мне возможность не только говорить, но и слышать, и слушать вас. Я придаю большое значение своему общению с людьми, потому что, если возникают какие-то мысли, то они возникают чаще всего от соприкосновения с мыслями других людей, с их вопросами, пожеланиями, идеями. И, наверное, без такого живого соприкосновения с людьми Предстоятель Церкви не может достаточно эффективно осуществлять свое служение. Поэтому я говорю всегда, что, путешествуя, я в первую очередь учусь. Учусь понимать то, что происходит в стране, что происходит в сердцах человеческих. И это обучение является очень важной составной частью моего служения. И поэтому я сегодня скажу какие-то слова — то, что мне, что называется, Бог на душу положит; а потом с удовольствием вас послушаю и буду готов ответить на ваши вопросы.

Мне хотелось бы начать наш разговор с того всем хорошо известного и очевидного факта, что мы находимся в городе Архангельске — городе, названном в честь Архангела Михаила. Как сказал сегодня во время богослужения владыка Тихон, никакие силы не смогли изменить название этого города. В России менялись названия городов, особенно данные в честь царей, а вот никто не сумел изменить название Архангельска, хотя, как известно, пути такие были. Осталось это ангельское имя над городом. В сознании современного человека, даже верующего, ангел — это что-то совсем непонятное: либо это человек с крыльшками, чаще всего детского возраста, с кудрявой прической; либо это юноша особой красоты, тоже с крыльями. На самом деле все мы понимаем, что человек изображает сверхчуждый мир так, как он себе его представляет. Это наши образы, это не божественные образы. Это наши картины, которые мы рисуем. Человек не знает того мира, у него нет опыта жизни в том мире. Потому мы представляем себе ангелов в таком антропоморфическом виде, как людей — так же, как и Бога представляем в виде человека. На самом деле никто по-настоящему не знает, что такое ангел. Известно, что есть какая-то сила, что эта сила концентрируется в разумных личностях. Вот Архангел Михаил — это архистратиг, по-гречески предводитель, полководец небесных сил. Опять в нашем сознании сразу возникают

воины — закованные в латы, с мечами, копьями и луками. Но все это человеческие образы. Из Священного Писания известно только одно: что Архистратиг Михаил всегда участвует в каких-то особых моментах человеческой истории, и всегда в борьбе со злом. Из этого можно сделать вывод, что ангелы и Архистратиг Михаил — это сила, противодействующая злу.

Но если повнимательнее посмотреть на историю рода человеческого, то она вся соткана из этой борьбы добра со злом. Как замечательно сказал об этом Достоевский: «Бог с дьяволом борется, а поле битвы — сердца человеческие!» Вот эта космическая борьба добра со злом, которая охватывает всю человеческую историю, и является основным нервом человеческой истории. А все остальное — декорации: смена общественно-политических формаций, политических элит, политического строя, экономических формаций. Главный нерв человеческой истории — это борьба добра и зла. А почему так замечательно сказал Достоевский о том, что поле битвы — сердца человеческие? Бог бьется с дьяволом не где-то там, в космосе, не где-то непонятно в каком пространстве, не в параллельном мире. Он борется в этом мире, и человек является реальной ареной этой борьбы. В сердце каждого из нас происходит эта борьба. И вот здесь, мне кажется, очень важно понять следующее: а кто же выигрывает в этой борьбе?

Перед тем как попытаться ответить на этот вопрос, скажу что-то, может быть, очень странное. Из быта, из жизни, из опыта нам кажется, что добро и зло — это ясно различимые понятия. Ну, например, жизнь — добро, смерть — зло. Здоровье — добро, болезнь — зло. Отзывчивый человек, способный жертвовать собой, — это добрый человек. Эгоист, черствый, невосприимчивый к другим — это плохой человек. Любить родителей — это добро, не любить — зло. Любить Отечество — добро, не любить Отечество — зло. Казалось бы, такие ясные, понятные истины. Однако мы с вами сейчас живем в такую эпоху, когда стираются грани между добром и злом в сознании людей. И происходит это не потому, что объективно эти грани стираются — зло перетекает в добро, добро перетекает в зло, — а потому, что основное направление мысли — философской мысли, политологической мысли — сегодня направлено на то, чтобы эти грани между добром и злом были размыты.

Мы называем эпоху, в которой мы живем, эпохой постмодерна — такое вот слово выдумали. И наибольшим достижением этой эпохи считается свобода человека, которая ориентирована на свободный выбор. Человек сам является автономным носителем окончательных решений, что есть добро, а что — зло. Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен: «Это был их выбор, они свободны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами». Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: «Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!» А им отвечают: «А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло».

Окончание в «Миссионерском обозрении»

ЦЕРКОВЬ НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ ВНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Интервью с Натальей Дмитриевной Солженицыной

«Кифа»: Наша газета старается постоянно поддерживать тему исторической памяти (рубрики «Между прошлым и будущим», «Живое предание», «Открытая Встреча»). Что Вы думаете об актуальности этой темы сейчас и в церкви, и в обществе? Что могли бы верующие люди сделать для преодоления забвения?

Н.Д. Солженицына: Трудно назвать тему более актуальной. Церковь вообще не может жить, не может оставаться сама собой вне исторической памяти. Общество — может, но с последствиями неизбежно тяжелыми. Человек, не ощущающий себя в истории, живущий только современностью — не может быть разумным строителем будущего.

Разрушенная преемственность, разорванная непрерывность социального бытия не могут быть залечены ничем, кроме исторической памяти. В бурные и тяжелые для общества времена историческая память становится реальной силой, одновременно и якорем, и левером, и матчей.

Люди — верующие и неверующие — могут противопоставить забвению только прощшение. Распространять вокруг себя — кто, где и сколько может — знание истории, живое ощущение прошлого. Сегодня это критически важно, поскольку технологическая цивилизация, в кото-

Окончание на с. 2



11 (101)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
СЕНТЯБРЬ МАЛЫХ
2009 ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

В номере:



Аскеза и творчество

Архиепископ
Тулчинский и
Брашлавский Иона-
фан размышляет о
коллизии древнего
монашеского и
мирского взглядов
на церковное
пение и гимногра-
фию с. 4

Заметки переводчика

Что значили произведения
С.С. Аверинцева в жизнен-
ном пути тех, кто переводил
их? с. 5

«Братство есть един-
ственно истинная фор-
ма церковного едине-
ния»

Об этом писал из ссылки
своим духовным чадам один
из основателей Александро-
Невского братства епископ
Иннокентий (Тихонов) с. 6

Нам важно знать наши
корни

Фрагмент доклада свяш.
Георгия Кочеткова, прочитан-
ного на двадцатом Преобра-
женском соборе (2009 г.) с. 7

Для Бога нет стен и
решеток

Члены малого православного
Боголюбского братства (г.
Тверь) посетили колонию-
поселение для заключенных,
больных туберкулезом. О
встрече рассказывает один
из ее участников с. 8



В приложении
«Миссионерское обозрение»
новости и раз-
мышление о
том, что означа-
ют слова апосто-
ла о цар-
ственном свя-
щенстве верных

Церковь не может жить вне исторической памяти

Окончание. Начало на с.1

рой мы все уже живем, вытесняет историческую память как инструмент для нее бесполезный.

«Кифа»: Александр Исаевич и его творчество являются для нас примером того, что называется «зрячей любовью» к Родине. Как не терять человеку, пишущему о жизни общества, ни зрячести, ни любви, которые могут противоречить друг другу? Что, на Ваш взгляд, помогло Солженицыну сохранять зрячесть и любовь?

Н.Д. Солженицына: Боюсь, что нечем помочь человеку, в котором борются зрячесть и любовь. Зрячесть — свойство ума и признак развитого сознания, любовь живет в сердце. Если добытые зрячестью наблюдения и выводы убивают любовь, это значит только одно: что любовь была не сильна. Что тут поделаешь?

Что помогало Солженицыну? Любовь помогала ему сохранять зрячесть, потому что незрячая любовь — недействительна, а то и разрушительна, а он страстно хотел действительно помочь Родине. Зрячесть помогала ему сохранять любовь, потому что настоящая зрячесть смотрит глубоко и видит не только гадкое и отвратительное, но и корни, и причины — а такое видение вызывает сострадание и желание именно корни устранить, очистить изначальную любимую данность.

Отвечая на этот вопрос, мне кажется уместным напомнить, как понимал Александр Исаевич патриотизм: «Это — цельное и настоящее чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодишь, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке её пороков, грехов и в раскаянии за них» («Россия в обвале», гл. 26).

«Кифа»: Как Вы думаете, что нужно, и нужно ли, для того, чтобы в нашей газете было представлено большее разнообразие мнений, больше остроты, дискуссий?

Некоторые наши коллеги-журналисты сравнивают «Кифу» со «скромной девушкой», а пресса, по их мнению, должна давать, быть настырной «теткой с ведром», иначе какая же она пресса. Несколько экспрессивно, конечно, но, может быть, в этом что-то есть? В какой мере нам стоит ездить задумываясь над подобной оценкой или это грозит «потерей идентичности», т.е. своего лица?

Н.Д. Солженицына: Я убежденная сторонница дискуссий и большего разнообразия мнений и думаю, что в прекрасной вашей газете их меньше, чем хотелось бы. Разговаривать по преимуществу с единомышленниками — легче и приятнее, чем с людьми, мнения которых вы заранее отвергаете как неприемлемые или чуждые. Но это стерилизует мысль и приглушает взгляд.

Что касается остроты — то это чаще характеристика стиля дискуссии, чем сути ее, и тут я, напротив, считаю, что коллоидно-режущий стиль полемики гораздо менее продуктивен, чем «не-острый». Это относится и к совету «Кифе» стать «теткой с ведром». Пожалуйста, не становитесь! «Давить», быть «настырной» — это как раз вопрос стиля, и вам, по-моему, ни в коем случае не надо менять стиль и тон. Они именно выгодно отличают вашу газету от россыпи «настырных».

Беседовал Александр Буров

Блаженнейший патриарх Румынский Даниил призвал включить изучение религии в школьную программу

Религия должна стать обязательным предметом в программе среднего образования в Румынии. С таким призывом обратился 19 августа в открытом письме к президенту страны Траяну Бэеску Блаженнейший Патриарх Румынский Даниил.

«В проекте закона о среднем образовании, предложенном президентской комиссией по анализу и выработке политики в области образования, религия никак не закреплена и не имеет никакого официального статуса», — заявил Патриарх, отметив при этом, что свободный доступ к религиозному образованию предусмотрен конституцией Румынии.

Комментируя обращение Патриарха Даниила, специалист по конституционному праву Радун Карп отметил, что, согласно действующему законодательству, религия может присутствовать в системе среднего образования лишь как факультативный предмет. «Это означает, что министерство образования Румынии обязано обеспечить присутствие в школьной программе предмета по религии, но выбирать его или нет в качестве обязательного — дело самого ученика и его родителей или опекунов», — отметил юрист.

Патриархия.ру

Патриарх Варфоломей призвал к созданию европейской организации, которая объединит католические, протестантские и православные Церкви

Вселенский Патриарх Варфоломей призвал к созданию европейской организации, которая объединит католические, протестантские и православные Церкви, сообщает агентство ENI.

«Только осуществляя диалог и близко сотрудничая, Церкви смогут проповедовать Евангелие убедительно и эффективно», — заявил 19 июля глава Константинопольской Православной Церкви, выступая на конференции в Лионе (Франция), посвященной 50-й годовщине основания Конференции европейских Церквей.

В состав КЕЦ в настоящее время входят 120 церквей, большинство из них — англиканские, православные и протестантские, однако Варфоломей считает, что Европе необходима организация, в которую входила бы и Католическая Церковь.

Глава Вселенского патриархата полагает, что это будет способствовать единству Церквей и обеспечит им возможность совместными усилиями решать такие общевсероссийские проблемы, как секуляризация, нарушение прав человека, экономический кризис и угроза окружающей среде.

«Я убежден, что конференция всех европейских Церквей, я подчеркиваю, всех европейских Церквей, которые гармонично сотрудничают, лучше сможет исполнить святое требование восстановления единства Церквей и служить нашим современникам, сталкивающимся с целым комплексом проблем», — заявил Варфоломей под аплодисменты присутствующих.

Глава Константинопольской Православной Церкви попросил кардинала Филиппе Барбарина из Лиона, который был среди участников конференции, передать это предложение «туда, куда нужно». Вероятно, речь шла о Ватикане.

Семьдесят пять лет назад скончался о.Александр Ельчанинов

В те дни прот. Сергей Булгаков сказал посвященному ему прощальное слово:

...Болезнь, жестокая и неожиданная, поразила его и, как хищный коршун, выпила из него все жизненные силы. Казалось, отяготела на нем десница Господня, и, как Иов на гноище, лежал он на одре болезни, который сделался для него и одром смерти. Все, что могла сделать человеческая помощь и самоотверженная любовь, было сделано для него, но Господь судил призвать праведника в Свою обитель, и туда возлетела его светлая, чистая и праведная душа, неудержанная человеческими усилиями. Судбины Божии неисповедимы, и не о нем, упокоившемся, в стране живых ныне надо сожалеть, а о себе самих, без него оставшихся. Ибо горькая утрата для живых есть его уход от нас.

Я не позволяю себе здесь касаться святыни скорби его собственной семьи, но его духовная семья простиралась далеко и широко за пределы этой последней. Он был священник и пастырь, связанный нитями духовноотеческой любви с множеством душ, которые теперь почтуются себя осиротевшими, потерявшими кроткого и любящего отца и друга. Эти слезы и эта любовь ведомы только небу, о них не будет рассказано в летописях истории, хотя то, что совершается в сердцах, есть самое важное, что вообще происходит в жизни. Не только по личным качествам, пастырской призванности и одаренности, совершенно исключительной, но в особенности по своему типу о. Александр, как священник, представлял собой явление необычайное и исключительное. Ибо он воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности Православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания. Он был одним уже из немногих в эмиграции представителей старой русской культуры, достигшей перед революцией, в особенности в тех петербургских и московских кругах, в которых он вращался, своего рода зенита. Здесь биография почившего влетает в историю этой русской культуры, о чем пишущий эти строки может быть и историческим свидетелем. Мое знакомство со студентом, сначала Петербургского университета, а потом Московской академии, А.В. Ельчаниновым относится к эпохе примерно 30 лет тому назад в Москве. В это время выделялась и обращала на себя внимание молодая группа мыслителей, писателей и церковных деятелей, связанная между собою не только личной дружбой, но и товариществом по школе. Судьбе было угодно, чтобы на одной школьной скамье в Тифлиской гимназии сидели такие люди, как великий русский ученый и богослов о. Павел Флоренский, безвременно скончавшийся философ Вл. Эрн и будущий священник и педагог А.В. Ельчанинов, которые затем в северных столицах, но преимущественно в Москве, продолжали свою школьную связь. Все они — каждый по-своему — определились в новом для того времени, но исторически давножданном религиозно-культурном типе, который естественно примыкал к более старшему поколению того же характера плеяды мыслителей, писателей, богословов, поэтов нашего поколения (Тернавцев, Бердяев, Карташев, Вяч. Иванов, Гершензон, Розанов, кн. Трубецкие и др.). К ним же естественно присоединились и их молодые сверстники, как святи. С. Свенцицкий, Андрей Белый, святи. С.М. Соловьев, А. Блок и др. А.В. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах литературной Москвы и Петербурга, и везде с радостью встречало появление студента с лучезарной улыбкой, с особой скромностью и готовностью слушать и запечатлеть эти бесконечные творческие беседы. В дружеских кругах его звали Эккерманом при Вяч. Иванове, а затем при о. П.Флоренском, с которым он вместе жил в Сергиевом Посаде (кажется, он и сам, шутя, применял к себе это название).

Начало этого века отмечено в истории русской мысли возникновением так называемых религиозно-философских обществ, сначала в Петербурге, затем в Москве, а позже и в Киеве. В них находили для себя выражение новые борения и искания, с их проблематикой и идеологией. Московское религиозно-философское общество «Име-

ни Вл.Соловьева» было основано осенью 1905 года, и первым его секретарем и неизменным сотрудником явился А.В. Ельчанинов (принимавший участие ранее того и в Петербургском религиозно-философском обществе), и он оставался на этом посту, пока для этого была внешняя возможность, неся по преимуществу невидимую, но незаменимую организационную работу. Это была, в то же время, активная проповедь христианства, борьба с безбожием интеллигенции в ее собственном стане — особая задача, выпавшая на долю нашего поколения и разрешавшаяся с посылкой искренностью и энтузиазмом, хотя и без решительной победы, если судить по теперешнему разгулу старого интеллигентского, разлившегося в массы атеизма. А.В. Ельчанинов, вместе с друзьями, служил уже здесь делу христианской миссии, которому позже отдал себя всецело как священник. Одновременно возникали и иные начинания в области религиозно-политической, с которыми А.В. Ельчанинов также был связан через своих друзей. Здесь речь шла об идеологии и практическом преодолении традиционной идеологии, сливавшейся и отождествлявшейся политический абсолютизм с православием. Но собственное призвание А.В. Ельчанинова было всегда не литературное, но личное общение с людьми, в частности с молодыми душами. Он был педагогом по призванию, и уже тогда было известно, какой исключительной любовью пользовался молодой студент среди своих учеников. И эта черта — особый интерес к воспитанию и умение установить личную связь и дружбу между воспитателем и воспитываемым — была особым даром о. Александра. Этой своей потребности он нашел удовлетворение позднее на поприще педагогическом, став во главе частной гимназии в Тифлисе.

Обстоятельства разлучили нас надолго, и наша новая встреча произошла уже в безвестности, в Ницце, где он разделял общую скорбную долю эмигрантского существования. При этой встрече для меня стало ясно, что он решительно перерос уже рамки светской педагогики, которая ограничивается наружными покровами души, не входя в самое сердце. Пришло время осуществить педагогический дар во всей его полноте — в пастырстве. «К почести высшего звания» — к предстоянию перед алтарем Господним влекла его одинаково как его личная религиозная потребность, так и эта педагогическая стихия. И желанное совершилось — с 1926 года о. Александр — священник, занимающий скромное место при Нишском соборе. Со всей открытостью своей чистой и верующей души вкушал он небесные радости предстояния перед апостолом Агнца и с христианским смирением и мудростью этого смирения принимал терния, которые неизбежно встречаются на пути этого служения, как и внешние трудности жизни, его не шадившие.

Он отдался работе приходского священника, но мог ли он при этом забыть свою первую любовь — воспитание детства и юношества, конечно, уже на церковных началах? И нельзя было не поражаться и не радоваться, видя, с какой преданностью отнеслись к нему его молодые друзья. То была какая-то простая и крепкая настоящая дружба. В этом совершалась та молчаливая и незримая пастырская работа над человеческими сердцами тех, кто с такой любящей скорбью отпускали его из Ниццы и теперь так глубоко и искренно его оплакивают. В это время в собственной духовной жизни почившего стали преобладать настроения аскетического. Он посвящал преимущественное внимание святоотеческой письменности.

Много даров у Бога, и Бог ведет пути Свои. Но человеческий глаз в редких случаях старого культурного поколения, а в особенности в пастырстве — еще не видит новых заместителей опустевших мест, и по человечески становится тоскливо и жутко. Однако не место этим чувствам там, где совершается воля Божия. Сеется семя в смерти, восстает в славе, и славим и благодарим Господа о всем! Клянуся отшедшему в вечность и творя ему вечную память, да будет мне дано соединить ее с памятью о всей той отшедшей эпохе, как и о тех друзьях, с которыми Провидение соединяло почившего и нас всех в этой жизни, и прежде всего тех школьных его друзей, из которых «иных уж нет, а те далече», с памятью о великой русской религиозной культуре.

«Если пшеничное зерно не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет плод свой». Слава и вечная память всем отшедшим и ныне почившему брату нашему!

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ ПОСЕТИЛ СОЛОВКИ

21 августа, после Патриаршей Божественной литургии в день памяти преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, в Соловецком монастыре состоялась трапеза, на которой присутствовали почетные гости и члены Попечительского совета по возрождению обители.

За трапезой Святейший Патриарх Кирилл предложил членам Попечительского совета разработать концепцию дальнейшего развития Соловков. По мысли Его Святейшества, архипелаг призван стать уникальным центром духовной жизни, значимым в масштабах не только нашей страны, но и всей Европы.

Как отметил Святейший Владыка, необходимо не только продолжить труды по возрождению на Соловках монашеского делания, но и создать здесь церковно-научный центр по изучению подвига новомучеников и исповедников XX века. В связи с этим Патриарх особо отметил вклад, который внесли в эту область сотрудники Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Как подчеркнул предстоятель, изучение подвига Русской церкви в XX веке весьма актуально для преодоления секулярных «идеологических иллюзий» нашего времени.

Кроме того, Святейший Патриарх Кирилл высказался за открытие в стенах монастыря учебного заведения — по словам Его Святейшества, богословие следует готовить не только в столичных библиотеках, но и «в полевых условиях».

Патриарх посетил и Свято-Вознесенский скит на горе Секирной. Во времена Соловецкого лагеря особого назначения здесь располагался штрафной изолятор — печально знаменитая «Секирка». В неотапливаемом Вознесенском храме заключенных содержали зимой без верхней одежды, спать им приходилось на каменном полу. Лишь немногие узники «Секирки» оставались в живых после пыток. Здесь же, у подножия горы, расстреливали приговоренных к смертной казни.

Свершив молитву в Свято-Вознесенском храме, Святейший Патриарх обратился к Первоверховенным Соловецким святым и паломникам.

«Именно здесь, на Секирной горе, было совершено, может быть, самое великое беззаконие, которое пятном легло на историю нашего Отечества», — сказал, в частности, Святейший Владыка. — Именно здесь с особой жестокостью истязались люди — голодом, голодом, непомерным трудом». По словам Его Святейшества, обессилевших узников привязывали к бревнам и сбрасывали еще живыми с Секирной горы, в результате чего люди погибали в страшных мучениях.

«Это не были преступники, это были русские люди, чаще всего православные, в том числе священнослужители и монахи», — подчеркнул Предстоятель Русской Церкви. Именно поэтому здесь, на Секирной горе, «чувствуется особая атмосфера — с одной стороны, духовного подвига, с другой — бездны человеческих страданий».

В память о страданиях соловецких узников Святейший Патриарх Кирилл оставил в дар Свято-Вознесенскому скиту на горе Секирной икону Спасителя. «Молясь перед этим образом, поминайте всех тех, кто был умучен, кто подвергся страданиям, истязаниям, скорбям», — сказал, обращаясь к собравшимся, Святейший Патриарх. — Молитесь, чтобы ничто подобное никогда более не повторилось, но чтобы народ наш воспринял случившееся как великий урок для себя и понял, что за богоотступничеством следует кара — причем кара не только на небесах, но и здесь, на земле».

«Царствие Небесное и вечный покой всем тем, кто был здесь умучен, кто безвинно пострадал», — сказал в заключение Святейший Владыка. — Верим, что, предстою Господу на небесах, они молятся и о стране нашей, и о народе нашем, и о всей Церкви нашей».

Патриархия.ру

ИСПОЛНИЛОСЬ 50 ЛЕТ СВЯЩЕННИЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ ПРОТ. ПАВЛА АДЕЛЬГЕЙМА

Дорогой в Господе отец Павел!

Конечно, все «круглые» даты на свете условны. Но нельзя сказать, что они ничего не значат, особенно если это связано со служением Богу и людям в Его Церкви. Всю свою жизнь Вы служили и служите именно Богу и Церкви, оставаясь верным Ему и на свободе, и в лагерном бараке. Вы продолжали свидетельствовать о Христе в различных многотрудных обстоятельствах Вашей жизни. Это говорит о том, что Господь — Агнец и Пастыреначальник — Сам поддерживает Вас, помогая переходить преграды, невозможные человеком, и возводя на «скалу недосыгаемую» (Пс 60:3). Это восхождение совершается Вами без страха и упрека, как и должно быть в христианской Церкви. Пусть же награды и утешением к юбилею Вашего пресвитерского служения будут Вам слова Спасителя, обращенные ко всем Его ученикам: «...вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин 16:22).

МНОГИЕ ЛЕТА!

Проф.-свящ. Георгий Кочетков, члены профессорско-преподавательской корпорации и студенты Свято-Филаретовского института, члены Преображенского братства

Вспоминая сегодня эту дату, невозможно не вспомнить и того человека, который невидя на опасность преследований со стороны уполномоченного по делам религий, решил пятьдесят лет назад рукоположить бывшего заключенного. В память об архиепископе Еρμοмене (Голубеве) мы публикуем документ из его архива, предоставленный редакции о. Павлом Адельгеймом. Этот документ напоминает о той отеческой заботе, с которой архиеп. Еρμοмен относился к клиру епархии (и за которую в конце концов пострадал).

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Всем настоятелям и церковным советам Ташкентской и Среднеазиатской епархий

Ко мне обратился один из Настоятелей приходов нашей Епархии с письмом, в котором он выражал желание, чтобы мною был посещен его приход, давно не видевший у себя Епископа. Вместе с тем, поскольку приход беден, он выражал свое смущение, сможет ли его приход в силу своей материальной скудости принять Епископа.

В связи с этим считаю необходимым разъяснить, что посещение приходов Епархии является непрерывным долгом Епископа, а для того, чтобы это посещение не обременяло материально прихода, устанавливая такой порядок, что при посещении Епископом прихода все путевые расходы, как-то: проездные билеты и пр., производится за счет Епархиальных средств, причем категорически запрещается давать Епископу, диакону и прочим сопровождающим Епископа лицам деньги за посещение. Та-

ким образом приезды Епископа не будут обременять приходы никакими расходами.

Одновременно устанавливаю следующий порядок финансовых взаимоотношений Епархиального Управления с приходами:

- 1) При получении св. Мира и антиминсов никакие деньги не взимаются.
- 2) При получении духовством наград никакие деньги не взимаются (следующие по этой статье для Патриархии суммы выделяются Епархиальным Управлением из своих средств).
- 3) При награждении священнослужителей Епархии наперсными золотыми крестами или крестами с украшениями таковые выдаются награждаемым за счет Епархиальных средств.
- 4) Приезжающее в Ташкент по вызову Епископа духовство, в случае неимения где остановиться, обеспечивается помещением и питанием за счет Епархиальных средств при Архиерейском доме, причем Епархиальное Управление оплачивает и путевые издержки.
- 5) Духовство, приезжающее по делам приходов или личным не по вызову, но с разрешения Епископа, также обеспечивается помещением и столом за счет Епархии с той только разницей, что их путевые расходы не оплачиваются из Епархиальных сумм.
- 6) Церковные календари, как настольные, так и стенные и богослужебные указания в количестве 3-х экземпляров приходы получают безвозмездно, а прочие издания Патриархии тоже в одном экземпляре.
- 7) Маломощные приходы, при условии надежного руководства, на необходимый ремонт и др. неотложные потребности, которые они не могут удовлетворить собственными силами, получают из Епархиальных средств безвозвратные ссуды, в размере, определяемом Епископом.
- 8) Любимый приход Епархии в случае временных материальных затруднений может получить взаимобразную ссуду из Епархиальных средств.
- 9) Следующие с храмом взносы в пенсионный фонд вносятся в Патриархию из Епархиальных средств.
- 10) Порядок внесения взносов в пенсионный фонд от духовенства остается прежним.
- 11) Установленные ранее и существовавшие на 1 марта 1953 г. размеры взносов от приходов на Епархиальные и общецерковные нужды остаются без изменения.
- 12) В связи с указанными мероприятиями устанавливаются на протяжении года два дополнительных взноса на Епархиальные нужды: 1) после праздника Рождества Христова и 2) после праздника Пятидесятницы. Размер этих взносов каждый раз каждому приходу устанавливается особым распоряжением Епископа.

В текущем 1953 г. будет только один дополнительный взнос, размер которого Вам одновременно посылается.

На Лубянской площади прошла акция «Соловецкая свеча»

Православные молодежные организации Москвы выступили с призывом воздвигнуть на Лубянской площади столпы православный крест и часовню-памятник новомученикам и исповедникам российским и всем жертвам политических репрессий. Об этом было заявлено во время акции «Соловецкая свеча», которая состоялась 22 августа, в день Собора Соловецких святых, в центре Москвы. Акция совпала с визитом на Соловки Патриарха Кирилла. Несколько десятков молодых людей с флагами патриотической организации «Народный собор», молодежного движения «Георгиевцы», организации «Боевое братство» зажгли свечи на Лубянской площади у Соловецкого камня в память святых соловецких и российских новомучеников. Свечи возгорелись от огня, который был доставлен накануне на самолете из Голгофо-Распятского скита на острове Анзер Соловецкого архипелага.

От Соловецкого подворья в Москве огонь на Лубяскую площадь торжественно доставили иеромонах Акий (Логов), насельник Соловецкого подворья, и Дмитрий Барановский, представитель Московского отделения организации ветеранов «Боевое братство». Вместе со всеми участниками акции их встретил настоятель храма Рождества Иоанна Предтечи — патриаршего подворья в Сокольниках игумен Иоанн (Ермаков). Свечи в красных подсвечниках были составлены на площадке у мемориала в виде православного креста. Когда они зажглись, отец Акий и отец Иоанн отслужили молебен святым новомученикам и исповедникам российским и пропели «Вечную память» всем погибшим в годы репрессий. По окончании молебна отец Акий рассказал молодежи о тех страшных казнях, которым подвергались заключенные на Соловках; о том, как «лечили» больных в «стационаре» на острове Анзер, выставляя их на мороз; о тех новомучениках соловецких, которые были прославлены Русской Православной Церковью.

Далее состоялась митинг, открывая который исполнительный директор общественного центра «Свеча памяти» Павел Иларионов говорил о значении Соловецких островов, ставших не только местом монашеского духовного подвига, но и символом трагедии России в XX в. Известно, что в 1920-е годы на островах архиепископ Павел установил СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), а потом — Соловецкая тюрьма особого назначения. Павел Иларионов отметил, что мемориал «Соловецкий камень» на Лубянке за последние годы стал святым местом, «символической могилой» людей, погибших во время репрессий. Выступавший заявил, что акция «Соловецкая свеча» призвана заложить новую традицию совершения регулярного молитвенного поминовения жертв ГУЛАГа на Лубянской площади.

«За два десятилетия так и не был создан главный мемориал в честь жертв политических и религиозных репрессий, и я уверен, что таким местом станет часовня-памятник на Лубянке, где постоянно будет молитва и нескончаемый поток людей», — сказал П. Иларионов.

Далее к молодежи обратился внук и тезка известного православного священника, находившегося в заключении на Соловках, отца Павла Флоренского. Профессор Павел Васильевич Флоренский, председатель экспертной группы по изучению чудесных знамений при Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви, назвал Соловки «великим символом» не только горя и страдания, но и «великой духовной радости и поддержки всем нам». Он напомнил слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который говорил, что на Соловках везде можно ставить евристическую чашу, поскольку вся земля там усеяна мошами святых мучеников. П.В. Флоренский тоже поддержал инициативу строительства православной часовни на Лубянке.

«Благовест-инфо»/Патриархия.ру

КОММЕНТАРИЙ

Про акцию «Соловецкая свеча» я узнала из интернета — знакомые прислали ссылку на новость. Решила пойти, поскольку тема памяти новомучеников мне близка и хотя я глубоко уверена, что служить молебен и зажигать свечи в день памяти еще недостаточно для того, чтобы всерьез войти в опыт святых XX века, но пройти мимо такого мероприятия было бы странным. Несколько смутило, что со мной было двое детей 4,5 и 1,5 лет, но вариантов не было, и мы поехали вместе.

И вот мы на Лубянке. В метро в центре зала стоит группа молодежи, правда весьма немногочисленная, милиция тоже есть и тоже совсем немного. До начала акции оставалось минут 20, и мы с девочками, поднявшись на поверхность, не спешили проникнуть на площадку к соловецкому камню, тем более что пока никакого оживления там не наблюдалось. Обошли эту площадку кругом, постояли немного рядом с входом, мимо нас прошла та самая молодежь, которую мы видели в метро, ведомая представителем старшего поколения. У входа на площадку их приостановил охранник, но после переговоров с предводителем всех пропустил, разве что у кого-то проверил сумки. Меня такая бдительность милиции удивила, но потом я подумала, что, в общем, наверное, им так и положено охранять массовое мероприятие. Подошли к охранику и мы, и были остановлены неожиданным вопросом: «А вы куда?» Я сказала, что прочитала про «соловецкую свечу» в интернете и насколько я понимаю, именно эта акция здесь сейчас и будет проходить. Охранник сделал доверительное лицо и сказал: «Послушайте, здесь только для своих. Это не для всех». Я сильно удивилась такому повороту дел, но тут на мое счастье невдалеке от нас возник мужчина, в сторону которого охранник махнул рукой: «Вот организатор, если только он разрешит». Организатор посмотрел на меня и видимо решил, что молодая мама с двумя детьми большой опасности для мероприятия «для своих» не представляет. Он заинтересовался: «Вы хотели принять участие?», и, получив мой утвердительный ответ, кивнул охранику: «Я думаю, можно пропустить». Охранник, похоже, остался этим недоволен, по крайней мере, за спиной я слышала что-то вроде: «Смотрите, так к вам все попутря, и что?» Но мы уже были внутри.

Признаться, я думала, что людей будет много, но мои ожидания не оправдались. На площадке стояли операторы с кинокамерами — вот их как раз было довольно много, человек 10, — приведенная молодежь (человек 20-30) разворачивала принесенные флаги

В недавно опубликованной Концепции деятельности Литургико-богослужебной комиссии при Священном Синоде Украинской Православной Церкви в разделе, посвященном переводу богослужения, в частности, говорится:

«...в Украинской Православной Церкви есть люди, желающие молиться на украинском языке, и для их духовной пользы Комиссии следует начать работу над созданием украинского перевода основных богослужебных текстов.

В работе Комиссии следует широко использовать уже имеющиеся опыты украиноязычного литургического творчества — например, службы, составленные митрополитом Харьковским и Богодуховским Никодимом; а также переводы служб, выполненные архиепископом Тульчинским и Брацлавским Ионафаном».

Сегодня мы публикуем статью владыки Ионафана, посвященную проблемам православной гимнографии

О Дево! Страх перед Тобой
Сомкнул уста молчаньем тайным,
Хотя любовь велит нам ублажать
Тебя,
Сплетая строки песен величальных!
О Мати! Наших чувств мятежное
боренье
Ты к миру скоро приведи
И гимном ублажить Тебя благослови,
Поддав нам силу вдохновенья!
Архиепископ Ионафан (Елецких)

В начале XIX столетия обер-прокурор Святейшего Синода Русской Церкви Константин Павлович Победоносцев, переводчик Нового Завета на «воцерковленный» им русский язык, уверял, что принципиально невозможно передать, согласно его выражению, «безобразной русской фразой» смысл и красоту церковнославянской застойности праздника Рождества Христова «Любити убо нам». А тем более, положить его на ноты. А поскольку застойник и так понятен духовному человеку, то ипеть его в церкви следует по церковнославянски.

Скепсис г-на Победоносцева отчасти оправдан: ни один из переводчиков его времени, да и ныне не достиг лаконичности и ясности перевода сего застойника. Трудность эта происходит ещё и потому, что порядок слов в греческом поэтическом языке довольно произвольный и не имеет грамматической функции, а сказуемое может стоять даже впереди основного текста.

Минейный употребляемый, но малопопулярный текст в богослужебных книгах изложен так: «Любити убо нам¹, яко безбедно² страхом³, удобее⁴ молчанье⁵. Любвию же⁶, Дево, песни твяти⁷ спротивно сложенныя⁸ неудобно естъ⁹. Но, и Мати, силу¹⁰, елико естъ произволение¹¹, даждь¹²». В переводе г-на Нахимова (Занонковского) он имеет такой вид: «С одной стороны из страха нам было бы довольно легко перенести молчанье, так как оно не грозит бедою; с другой же, о Дева, вследствие влечения сочинять влхновенно сложенные гимны, это слишком трудно. Но Ты, о Матерь Божия, и даруй мне крепость, уравнивающую мою природное призвание». (См. «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. Санкт-Петербург, Синодальная типография, 1912 год).

Не претендую на последнее слово в уяснении смысла застойности, ниже предлагаю его текст от автора настоящей статьи: «Любезно, Дево, нам удобее молчанье, в коем нам страхи не опасны, но любовь сия песни стропно сложенныя твяти утрудняет. Ты же, Мати, силу, елико естъ произволение сему, подай».

О чём же всё-таки может идти речь в гимне? Что волнует песнотворцев? Думается, в застойности отражен конфликт между аскезой и творчеством, обнажена психологическая драма симпатии к молитвенному безмолвию — исихии и противостоящей ей «мирской» любви к искусству античного метроритмического стихосложения.

Разрывать эту «неудобную» коллизию, как следует из текста, сами песнотворцы не могут: они обращаются к Богоматери, пророчески предсказавшей Её Самой ублажение гимнами всеми родами человеческими. Из их уст звучит просьба о помощи в преодолении внутреннего борения через ниспослание церковным поэтам особой силы благодати Святого Духа.

АСКЕЗА И ТВОРЧЕСТВО

Архиепископ Тульчинский и Брацлавский Ионафан — о коллизии древнего монашеского и мирского взглядов на церковное пение и гимнографию на примере застойника Рождества Христова



Архиепископ Ионафан рассказывает братьям и сестрам Благовецкого братства о своем переводческом опыте

Сама Богоматерь, воспевающая Бога в стихах в доме праведной Елизаветы (см. гимн «Величит душа Моя Господа»), благословила поэтическое свободное творчество в Церкви — таков пафос застойника праздника Рождества Христова.

Любопытно, что тема утверждения свободного авторского творчества в Церкви прослеживается и в другом известном церковном гимне: «Твоя песнословия, Богородице, — живой и независимый Источник, — лик, себе совокуплещеся, духовно утверди, в божественной Твоей Славе венцев Славы сподоби!» («О, Богородице, — живой, неиссякаемый Источник! Хор (лик) Твоих песнотворцев духовно укрепи, в божественной Твоей Славе венцев Славы сподоби!»)

Напомним одно повествование из истории древней Церкви, ярко иллюстрирующее напряжение между сторонниками аскетического богослужения, чин которого предусматривал несложное речитативное пение библейских псалмов (псалмодию), и сторонниками т.н. «мирского» чина богослужения в соборно-приходских храмах с использованием песнопений, свободно составленных по законам метроритмов языческой мирской поэзии — канонов, тропарей, кондаков.

Рассказ этот следующий: Авва (отец) Памва, древний монах-пустыльник, на вопрос послушника, воспевшего: «Отчего это мы, монахи, не поём каноны и тропари?», ответил: «Горе нам, чадо, ибо полдень дню, когда иноки оставят пищу, и реченную Святым Духом (библейские псалмы) и примут земные гимны и мелодические гласы. Придут дни, когда христиане растят книги святых евангелий, ... пишущие тропари и эллинические словеса (стихи)».

«Что касается тропарей и канонов, и употребления мелодических гласов, — вторит ему некий игумен V века, — то это прилично мирским священникам, чтобы привлечь народ в храмы. Монахам же, живущим вдали от мира, таковые вещи не полезны, ибо диавол приманкой тропарей и гласовым пением ввергает их в ров гордости, тщеславия и, наконец, блуда».

Пустынников, привыкших к чтению прозаического греческого перевода библейских ритмических псалмов, смущали и формы, и закономерности античного стихосложения, и свободный ритмический перифраз Священного Писания. Думается, что и нынешние миряне Русской Церкви были бы немало шокированы, если бы, войдя в храмы, услышали не прозу славянских переводов, а самые настоящие метроритмические стихи — тропари, кондаки, повествующие о спасении во Христе, как их слышат в своих храмах православные греки, но на древнегреческом языке.

Со временем в Церковь греческой традиции споры о стиле пения затихли. В них давно уже произошёл культурный синтез

монашеского и «мирского» начал в богослужении: и в соборно-приходских храмах, и в монастырях оно следует единому уставу, согласно которому речитативно-мелодическое чтение псалмов Священного Писания чередуется с мелодическим гласовым («ладовым») пением тропарей и канонов — сочинений, составленных в метроритмах античного стихосложения.

Так, в службе Благовещения мы находим ритмический канон, в основание которого положен диалог между архангелом Гавриилом и Девой Марией. Этот диалог не имеет места собственно в евангельском повествовании и скорее принадлежит области художественного вымысла, но в это обрамление включена библейская догматическая истина — «Бог явился на земле по плоти», раскрывается сотериологическое учение Церкви.

Нынешние греки так свыклись с античными «языческими» метроритмами своих церковных гимнов, вокруг которых когда-то жарко велись споры, что и слышать не желают о введении в богослужение новогреческих прозаических текстов, ибо они, хотя и понятны разуму, но претят их внутреннему эстетическому чужеству: новейшие переводы, увы, лишены красот античных ритмов стихосложения.

При Царе Алексии Михайловиче произошёл ещё один «светский» прорыв в богослужение, вызвавший резкие протесты русских староверов: на Московской Руси, взамен монодии, была воспринята через Киев западная система гармонической музыки, при которой певцы стали делиться на четыре основные голосовые партии (дисканты, альты, теноры, басы). Только одной из них поручалось исполнение коренной мелодии гласа («кантус фирмус»), а остальные были призваны лишь окрашивать её обертонами классических трезвучий, создавая вокальную имитацию органный («I» звучания). Достаточно пропеть партию «скачущего» по тонам трезвучия баса, чтобы в этом убедиться.

Парадоксально, но вопреки вышесказанному, в идеологии русского церковного пения по-прежнему господствует убеждение, что русское богослуженное пение не использует «инструментального» сопровождения. На саму инструментальную музыку многие смотрят косо.

Вероятно, эти суждения являются инерционным отголоском древнего отшельнического взгляда на присутствие в Церкви «мирского» метроритмического стихосложения как на вредное для спасения души иноков дело.

Впрочем, подобные ригористические утверждения библейски и исторически, как кажется, не столь бесспорны. Всем известно место Священного Писания «Хвалите Бога во струнах и органах!» Святой пророк Давид, автор многих библейских псалмов, исполнял их, играя на гуслях. А в

древней Александрии, как упоминают некоторые исследователи, пение гимнов в собраниях христиан сопровождалось звуками арфы и флейты. Известно также, что в VII веке н.э. во дворцовой церкви византийского императора исполнение религиозных гимнов сопровождал орган. Копия органа была преподнесена западному императору Карлу Великому для его придворной церкви, а уже затем этот музыкальный инструмент получил распространение по всему миру. Возможно, и киевские послы, прибывшие для выбора веры в Константинополь, слышали его звучание на официальном приёме во дворце, «мняще себя, яко на небе». В греческих церквях на о. Корфу (Константинопольский патриархат) за богослужением народ поёт в сопровождении органа.

Как ни удивительно, но в Православной Церкви давно допущено использование, по сути, музыкальных инструментов — кампанов, т.е. колоколов, настроенных на разные тона. В древнем пасхальном уставе даже указываются места для их расположения (содея, притвор, паперть, колокольня) и строго регламентируется порядок их звучания, время и количество ударов на евангельском чтении (после каждого стиха). Во все дни Пасхи совместно звучат колокола всех храмов. На архиерейских кадилах и облачениях имеются небольшие позвонки, издающие серебряные звуки при совершении священных действий. Деревянный инструмент — било — выстукивает в древних обителях Греции, Румынии и Болгарии сложнейшие музыкальные ритмы, предначиная богослужение в церкви. В чине Божественной литургии исполнение гимна в честь Богоматери («Достойно естъ») предусмотрено сопровождать звоном целого ансамбля колокольных инструментов, подчёркивающих значимость момента. Некоторые богословы именуют сам колокольный церковный звон началом богослужения. Особо выразительные колокольные мелодии, как то: ростовский, ипатьевский, костромский звоны, исполняли специально обученные музыканты-звонары.

Известны опыты исполнения церковных гимнов с симфоническим или органом сопровождением вне чина богослужения. Это — «Тебе Бога хвалим» для двух хоров и оркестра знаменитого композитора Дмитрия Бортнянского, это — «Демественная Литургия» с органом и группой инструментов композитора Гречанинова. Это и две духовные оратории в сопровождении симфонического оркестра архиепископа Илариона (Алфеева), это и смиренное пение духовных стихов под аккомпанемент струн гитары иеромонаха Романа (Матюшина) и многих других песнотворцев. Все они умилли и привели в лоно Церкви не одну душу!

В свете сказанного невозможно не согласиться, что полное торжество гимнографического минимализма над свободным литургическим творчеством в Древней Церкви по своим культурным следствиям привело бы к усащению художественного потенциала церковного общества, а в конечном итоге отрицательно повлияло бы и на самое развитие литературы во всём христианском мире.

Православная Церковь своим авторитетом благословила «мирскую» гимнографию, включила античные виды стихосложения — тропари, кондаки и каноны — в своё богослужение, наименовав их догматическое содержание своим литургическим Преданием. Среди церковных античных гимнов занимает почётное, праздничное место и застойник Рождества Христова, утверждающий торжество творческого начала в вечно юной Церкви Спасителя Мира.

- 1 Любити убо нам — мы возлюбим, нам любезно.
- 2 Безбедно — неопасно.
- 3 Страх — в церк. слав. языке — устрашения, ужасные видения, искушения ум аскета.
- 4 Удобее — лёгкое, благое.
- 5 Молчанье — безмолвие. Практика непрестанного созерцания сердцем т.н. молитвы Иисусовой.
- 6 Любвию же — т.е. согласно этой же любви к молчанию.
- 7 Песни твяти — т.е. слагать строфы стихов, подобно тому, как твяти туча поплоту из пряхи.
- 8 Спротивно сложенныя — стропно сложенныя, вдоль расположенные. Гимны, составленные по законам античного стихосложения.
- 9 Неудобно естъ — утрудняет, делает нелёгким, запретным, нежелательным. «Песни твяти ...неудобно естъ...» — имеется в виду, что стихосложение будет мешать постоянству созерцания сердечной молитвы.
- 10 Силу — греч. «энергия», благодать, творческая мощь, вдохновение свыше.
- 11 Произволение — призвание, изволение, желание, склонность.
- 12 Дажь — подай, ниспосли.



Оглядываясь на прожитое и передуманное, каждый раз вынуждена констатировать: мое (и вообще моего поколения) в какой-то мере запаздываемое и лишённое нормальной исторической нагрузки и информационной свободы интеллектуальное развитие привело к тому, что немало существенных основных духовных ценностей, связанных с родной — да и не только родной — культурой вошли в мое сознание довольно поздно, и это наложило отпечаток на мое/наше становление. Приходилось не раз в жизни «открывать велосипед» и включать новые знания в уже сформированную систему мышления, перестраивая то, что вначале следовало бы строить иначе.

И в этом запаздывании, наверное, есть и своё очарование, и свои позитивы: в зрелых годах острее видишь, причем, как метко заметил поэт, видишь «не только видимое», можешь постигнуть величие и масштаб фигуры, узнать ее настоящую цену — потому что, как писала в письме ко мне Надежда Суровцева, «под осень оно виднее»...

Среди наиболее весомых открытий, которые подарила мне судьба, — имена Юрия Шевелёва и Сергея Аверинцева. Интеллектуальные встречи с литературным наследием Юрия Шевелёва (его блестящая литературоведческая эссеистика, к изданию которой в Украине я имела честь быть причастной, работы из истории и социологии украинского языковедения, воспоминания) имели и имеют для меня как человека и литературоведа огромное, экзистенциальное значение. С Сергеем Аверинцевым по-настоящему, глубоко я познакомилась, переводя его произведения на украинский язык. А поле перевода — очень призрачная почва для познания, ведь нужно проникать в сокровенные глубины авторской мысли, углубляться в текст, чтобы не пропустить важного, постигнуть целостность.

В чем же уроки этого интеллектуального общения? В чем ценность феномена Аверинцева в нашем пресыщенном знаниями, изысканным цинизмом, морально беззащитном мире?

Марина Новикова в статье об опыте Аверинцева упоминала свою первую телевизионную встречу с ним в весьма популярном тогда-то «Клубе путешественников» на специфическую тему: «Пещеры Каппадокии и пещера как символ вообще». Аверинцев тогда включился в беседу с ведущим Юрием Сенкевичем со слова «Итак» — как во что-то давно известное, продуманное, осмысленное. Автор отмечает, что она знала к этому времени лишь одного человека, который мог так же естественно включиться в разговор на любую тему со слова «Итак», — это Юрий Лотман.

Эрудитция бывает разная. Холодная и эгоистическая, которую держат «для себя» как орудие самовозвеличивания себя над обществом и не растративая на других. Неструктурированная и аморфная, и вместе с тем поверхностная, обо всем понемногу — будто эффектный фейерверк, который, вспыхнув, гаснет и не способен согреть окружающую среду. Эрудитция Аверинцева — теплая и динамическая, максимально открытая для других. Вдобавок, при всей широте и энциклопедичности, глубоко структурированная, обращенная к жгучим моральным и интеллектуальным проблемам, преисполненная прямых и потенциальных ответов на вызовы времени.

В статье «Онтология правды как внутренняя пружина мысли Владимира Соловьёва» Аверинцев утверждал: «Правду можно искать, правда может сойти, потому что во внутреннем опыте Соловьёва она не идеал, не «ценность», а реальность». Твёрдое спокойное философское убеждение — без менторского тона и громких инвектив — в реальности правды, в её, пусть и незримом, всеприсутствии, часто вопреки безобразной реальности — как внутреннего закона, неотвратимого, как изменение времён года, как восход и закат солнца, закона, благодаря которому мир не провалился в тартарары, а человек продолжает оставаться человеком. Об этом эпиграф к статье из стихотворения Владимира Соловьёва, который мне удалось воссоздать на украинском языке почти дословно:

*Якщо бажання не кличуть нікуди,
Якщо обітниця — марні слова,
Жити нестерпно в лежачах облуди,
Доти живу, поки правда живе».*

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Что значили произведения С.С. Аверинцева в жизненном пути тех, кто переводил их¹

Так же чиста, незаилена, несовместима с пользой и конъюнктурной реальностью для Аверинцева вера. Негромко и убедительно, на колоссальном историческом и этическом материале Аверинцев показывает гримасы несоответствия между духовностью и политиканством, приспособленчеством к религии. Ведь для общего духовного климата опасен не столько честный и неагрессивный (без воинствующего безверия, без претензий на абсолютную истину) атеизм, сколько вера как мода, вера без веры в веру, без экзистенциальных поисков и понятий, без моральной почвы, вера как рычаг для утверждения в новой реальности, когда, по точному выражению В. Гомбровича, «Бог становится пистолетом, из которого мы стремимся застрелить Маркса». Это оборачивается упрощенчеством и лицемерием, а также бездуховностью, причем бездуховностью специфического сорта — с мимикрией «под веру», что, к сожалению, находит призрачную почву в нашем истощённом, вечно переходном обществе.

В статье «Слово Божие и слово человеческое» Аверинцев размышляет над ответом на вопрос «что такое веровать?» Возможные отрицательный ответ атеиста, возможные сомнения скептика имеют в основе «ту же грамматику», что и вопрос. Но в условиях недавнего прошлого вопрос вместо требования ответа означал скорее запрет отвечать. Любой ответ заранее оказывался блокированным модальностью вопроса и представлял в силу этой модальности невозможным и до idiotизма бессмысленным: «когда самый глагол «веровать» словно бы разлагается на чисто внешние, уже более не значащие, не читаемые фонемы и буквы — «что такое «ве-с-эр-о-ве-а-те-б?» — только тут мы имеем перед собой шельера Ада: послепостеистическую ситуацию». Имеем распад значащего слова. Пропавшая между историческим значением слова-понятия и его удешевленной ипостасью, когда от слова остается пустая оболочка. Фатальное умственное смещение, которое ведет к интеллектуальному повреждению. Аверинцев призывает к «восстановлению структурности мысли»: «дело жизни — всему давать место, все как-то совмещать в своем широком лоне, спутывая при этом нити, но дело мысли — распутывать нити, разбирать их в аналитическом усилии, давать отчет и ответ» («Надежды и тревоги»).

Отчет и ответ... Как ориентироваться в этом уютном, жестоком, временами абсурдном мире, который окутывает нас, не растеряться от столкновения полярностей, найти адекватные (по крайней мере для себя) ответы? Прежде всего — по капле выжимать из себя опасное и искусственное качество сознания, которое, вслед за Аверинцевым, определяю как «одноклеточность» (мутную и хаотичную стихию «одноклеточных» умонатореений, подложных десятилетиями, известное желтобетонное «так и только так») и ощущаю как чуть ли не наибольшую угрозу.

Проявлений такой «одноклеточности» множество — пестрый спектр оценок, критериев, ценностных ориентаций, мотиваций, требований и лозунгов. Они выпестованы десятилетиями воинствующей черно-белой пропаганды, искоренением инакомыслия, культивированием «туннельного видения» и «примитивного существования» (термин Домонтовича) как первейших добродетелей «простого советского человека». Основная мысленная операция здесь — упрощение, кастрация явления. А упрощение, неадекватное реальной сложности и многоликости мира, так и не дает возможности его постигнуть. Отсюда прямой путь к крайней поляризации и конфронтации, взаимной ксенофобии, абсолютному неприятию другого.

Недаром Марина Новикова назвала свою уже упоминавшуюся статью «Инакомыслие: опыт Сергея Аверинцева». Это, действительно, ключевое слово: «Встреча с Аверинцевым», — пишет автор, — стала нашей — и мой — встречей с другим... Открытие иудея. Открытие христианина. Открытие Другого как Ближнего». Не могу не присоединиться к этим словам.

Этот опыт Аверинцева не мог не вдохновить наше сознание. Не возбудить ощущения моральной ответственности, потребности моральной выработки того, что так афористически определил Василий Стус: «...самосохранение разрядов человеческой души — ручательство и спасение всеблагое». Потребность внутренней свободы, которая помогает выработать в человеке прямохождение и прямостояние, нормализовать дыхание. Вместе с тем

возрастает и общественная ценность индивида, развивается его творческие потенции, изменяется гражданская дееспособность. Такая «погруженная в себя» личность не утрачена для общества, а, наоборот, обращена к нему (не буду говорить «к народу» — не потому, что отбрасываю, как теперь модно, такую категорию, а потому, что она крайне скомпрометирована и девальвирована спекуляциями, когда слово «народ» употребляют как псевдоним «власти»).

Такая «внутренняя свобода», согласно Аверинцеву, это единственная гарантия, что мы не будем вьюсь с волками ни одной из конкурирующих стай. Состояние постоянной внутренней готовности к сопротивлению тому, что навязано тебе, не освоено экзистенциально и интеллектуально, к сопротивлению «покорному энтузиазму толпы» (Гершен). Держаться твердой — несколько («скользкой», по Аверинцеву) позиции, отстаивать только то, что стало внутренним убеждением, а не наштабано в ухо, какие бы последствия это ни имело. Уметь «стоять себе самому», как писал Стефаник: «...пусть ему говорят, что продался и «исподлился», лишь бы он стоял себе сам, так как так ему надлежит». Не из таких ли «одиноких» ичеек и совершаются гражданское общество?

И еще одно ключевое слово в человекообразующих и человекотворческих концепциях Аверинцева — *выпрямиться*.

В своем обращении к молодежи слово «Надежды и тревоги» он писал: «...разогнуться — на поверку не одна только безоблачная радость, но испытание. И это еще если дадут: а то начать разгибаться и встретить помеху — куда большее и обиднее, чем привычно ходить не разгибаясь. Мы, люди, в этом отношении несправимо небогадарны — никак не хотим раловаться тому, что разогнулись отчасти. Не признает наш хребет никакого «отчасти». А единожды разогнешься — и снова уже не пригнуться, даже если захочешь. (По правде говоря, только на такое свойство человеческой натуры — вся надежда»).

В самом деле, вся надежда — на способность человека самовозрождаться. И в этом Аверинцев перекликается с заветным кредо Василия Стуса, которое вытекает из его экзистенциальных формул «прямоотояния» и «самосообноуполнения» —

*То не провиня — мати гріх,
Ще унаскодаюний од мавпи.
Гріх — не боротися за себе
І не випростувати себе!*

...Летом 2004 г. я выступала во Львове перед выпускниками Украинского католического университета с лекцией «Моральный императив и вызовы времени». Приведа эти высказывания Стуса и Аверинцева, закончила так: «Итак, «распрямить себя». Эффективнейшего кредо я не знаю». После торжественной церемонии вручения дипломов ко мне подошла девушка-студентка и сказала, что хочет поблагодарить меня: «У меня в жизни очень ответственный момент — мне нужно сделать выбор. И я решила — выпрямилась!» Думаю, что эта искренняя душа через меня поблагодарила Стуса и Аверинцева.

Михайлина Кошобинская, кандидат филологических наук, доктор honoris causa Киево-Могилянской академии, переводчик многих произведений С.С. Аверинцева

¹ Доклад в НаУКМА 13.09.2004 на Первых международных Аверинцевских чтениях. Опубликован в альманахе «Дух і літера». 2004. — N 13-14. — С. 8-12. (на украинском языке). На русском языке публикуется впервые. Перевод А.Я. Наконечного.

² Суровцева Надежда Витальевна — первый доктор философии в Большой Украине (Украины без Галичины). В 1925 г. возвратилась из Вены на Украину. В конце 1927 г. осуждена по статье «польско-немецкий шпионаж». Провела почти 30 лет за решёткой. С 1954 г. жила в Умани до кончины в начале 90-х годов. Ее называли «уманской бабушкой», а её дом превратился в своеобразный духовный центр, посещаемый известными писателями, ее старыми друзьями (Тычиной, Бажаном) и шестидесятиниками, включая и Михайлину Кошобинскую.

³ В оригинале стихотворение звучит так: «Если лаяння бегут, словно тени, Если обеты — пустые слова, — Стоит ли жить в этой тьме заблуджений, Стоит ли жить, если правда мертва?»

⁴ Это не вина — иметь грех. Еще унаследованный от обезьяны. Грех — не бороться за себя. И не выпрямлять себя.

«Соловецкая свеча»

Окончание. Начало на с.3

под руководством организаторов и выстраивалась по периметру вокруг соловещьего камня. Мое внимание привлекла пожилая пара, которая, пожалуй, так же диссонировала с этим организаторско-молодежно-репортерским составом, как и мы с девочками. Разговорились, выяснилось, что они пришли, поскольку у них на Соловках погибли родители, и к камню этому они приходят регулярно, но вот сегодня пройти оказалось непостоянно: их тоже не пускали стражи порядка, пока муж не пригрозил позвать начальника и пожаловаться, что от охраны пахнет спиртным. Пока мы разговаривали, на асфальте перед камнем выложили крест из свечей. Вот она где, обещанная тысяча! А я-то грешным делом, прочитав в анонсе про тысячу свечей, думала, что организаторы планируют собрать тысячу участников... Справедливости ради скажу, что нам в руки тоже дали по свече. Вокруг камня уже развевались черно-желтые флаги «Георгиевцев» и «Народного собора». Мой собеседник, весьма скептически взирая на стоящую под флагами молодежь, говорил, что абсолютно уверен: перемены сейчас политический ветер, многие с легкостью встанут под другие флаги, что бы там ни оказалось, — «фашизм, так фашизм». «И вообще, пока стоит это здание (кивок головой в соответствующую сторону), ничего у нас в стране не изменится». У меня же было непременное ощущение какой-то странности происходящего: вот, вроде, есть те, кто пришел почтить память невинно убиенных, вот есть те, кто эту живую память хранит, для кого это действительно память сердца; однако, такое впечатление, что эти люди разделены пропастью и совершенно непонятно, можно ли что-то с этим сделать. К нам решительно подошла возмущенная женщина средних лет. Возмущена она была тем, что ей к камню тоже пришлось «прорываться» сквозь охрану. Сама из семьи репрессированных, регулярно приносит сюда цветы. Ответить ей на вопрос «почему не всех пускают?» мы не смогли, но дальнейший разговор продолжали вместе.

Наконец приготовления закончились, все было расставлено по местам, акция началась. После нескольких вступительных слов ведущий торжественно объявил, что на площадь вносят огонь с Соловков, поименно перечислив всех членов доставляющей делегации. Пригласил представителей православных молодежных движений подойти и зажечь от соловещьего огня свечи, образующие крест. Потом был молебен новомученикам и исповедникам соловецким. Молодежь встала почетным караулом у креста. Начался митинг, с которого мы ушли, так как дети уже стали подмерзать, да и я, честно говоря, тоже. Пожалуй, основным впечатлением от всего этого действа для меня стала совершенно очевидно вопиющая необходимость, невосребность сейчас в церкви живой памяти о погибших в годы репрессий. Да еще грустное ощущение пропасти непонимания между теми, кто ощущает свою личную связь с историей России XX века и теми, кто, можно сказать, творит историю России XXI века.

PS. Уже написав этот текст, я посмотрела в интернете на разных сайтах информацию о прошедшей акции. Если бы я не была там лично, то, пожалуй, поразилась бы ей. Дело действительно и нужное, и важное. И память о репрессированных хранить надо, и молиться новомученикам и исповедникам надо, и молодежь к этому подталкивать надо, только вот оказывается, что слишком важно то, как это делать, а то плоды могут быть совсем не те, которых ожидают.

Екатерина Степанова

«БРАТСТВО ЕСТЬ ЕДИНСТВЕННО ИСТИННАЯ ФОРМА ЦЕРКОВНОГО ЕДИНЕНИЯ»

Из истории Александро-Невского братства

Складывание братства из мирян и монахов при главной обители Северо-Запада России — Александро-Невской Лавры происходило в течение первых полутора лет после Октябрьской революции. В это время трижды появлялись объединения верующих, на основе которых 1 февраля 1919 г. возникло единое Александро-Невское братство, ставшее заметным явлением всей церковной жизни северной столицы в 1920-е — начале 1930-х годов.

Это был созданный при Лавре молодежный кружок, включавший в себя монахов и мирян. Создали и возглавили кружок три молодых иеромонаха, каждый из которых в дальнейшем стал известным церковным деятелем — Иннокентий (Тихонов) и братья Гурий и Лев (Егоровы). Будущие руководители братства были очень близки по духу. Их сближала строгость канонических взглядов, неуклонное следование учению святых отцов в сочетании со стремлением не оставаться в стороне от общественных проблем и нужд. Живым руководством по спасению для единомысленных друг другу монахов были слова апостола Иакова: «Вера без дел мертва» (Иак 2:26).

После своего окончательного оформления Александро-Невское братство стало быстро расти и в начале 1920 г. достигло численности 70–100 человек. Прежде всего, это было объединение людей, ревнующих о высших подвигах христианского благочестия. При этом деятельность братства отличалась удивительным многообразием. В состав братства вошли монахи, рабочие, ломовые извозчики, но также и в заметном количестве представители различных кругов интеллигенции, в том числе профессора петроградских вузов. Среди тех, кто принимал активное участие в организации братства, были: старший брат иеромонахов Гурия и Льва — профессор технологического института Николай Михайлович Егоров, заведующий Богословско-пастырского училища и член Миссионерского епархиального совета Иван Павлович Шерфов, крупный знаток канонического права Леонид Дмитриевич Аксенов. Принимались в братство «все желающие, уяснив, что они преданные религии люди»¹.

Сразу же после своего создания Александро-Невское братство стало главным в Петрограде, и на него начали ориентироваться как возникшие несколько ранее, так и созданные позже братства.

Подобная деятельность вызвала все большее раздражение властей. Так, 26 апреля 1922 г. в опубликованной в газете «Известия» статье Сурожского говорилось: «В Петрограде свирепствует какая-то эпидемия братств, духовных кружков, подготовительных религиозно-схоластических школ. Духовенство обрабатывает этим путем молодежь».

1922 г. стал переломным в судьбе Александро-Невского братства. Как и над многими другими церковными организациями и обществами, над ним нависла угроза полного уничтожения, и только верность истине Христовой и личное мужество его членов позволили братству выстоять и продолжить свою деятельность.

«Дело братств», по которому еп. Иннокентий был осужден на ссылку сначала в Архангельскую губернию, а потом в Туркестан, стало вторым тяжёлым ударом по жизни Петроградской епархии после процесса над митрополитом Вениамином и его сподвижниками. Последствия этой репрессивной акции и общего изменения ситуации в Церкви оказались очень тяжёлыми. Большинство братств прекратило своё существование. А немногие оставшиеся уже не могли действовать открыто и были вынуждены перейти на полуподпольные формы работы. В эти дни еп. Иннокентий писал своим братьям и сестрам:

«Паки и паки скажу Вам: «Братство есть единственно истинная в условиях нашего времени форма церковного единения, форма такая, притом, какую удаётся не разрушить и самая врата адавы»... Молюсь о Братстве, как о великой милости,

посланной Вам Господом Богом. Дорожите им и радуйтесь, что чрез него Вы приобщены к телу Церкви, в которой и спасение себе получите, обернитесь и гордости от сознания милости Божией. Работайте Господу со страхом и радуйтесь, молитесь с трепетом, боясь потерять по гордости дары милости Божией. С благоговейным страхом живите в благодатном братском единении, памятуя, что оно есть «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины»» (8(21) декабря 1922 г.).

«Во многих письмах ко мне по-разному высказывается одна и та же мысль, ра-

шей подтверждаю сестру Марию, которую прошу вести дела со всеми в согласии; если же она по какой-либо причине «выйдет из строя», тогда сами изберите на время, до моего указания». В тот же день — 29 ноября — архим. Гурий написал наказ всем своим духовным детям, которых насчитывалось в то время около 50: «В храм ходите на буднях не реже 2-х раз в неделю. Ходите в храмы, где держится богослужебного устава. Исповедуйтесь у о. Л[ьва Егорова] или о. В[арлаама Сацердотского] или о. Христофо-



17 мая 1920 г. в день Св. Троицы. Члены приходского совета Александро-Невской лавры (членами приходского совета были в основном члены братства). В центре сцмч. митрополит Вениамин. Четвертый справа от него в верхнем ряду — прмч. Лев — в то время иеромонах. Третий от правого края иеромонах Иннокентий, а пятый — иеромонах Гурий.

достная и для меня, и для всех. Это — растёт наша духовная семья, много новых лиц появилось. Меня нисколько это не удивило. Думаю даже, что так и должно быть.

С самого начала наших духовных невзгод я ясно видел, что наше братство есть здоровое явление. Ведь как оно живуче! Какой можно другой пример подобных привестись?

Удалены все три виднейшие и главные руководители, и жизнь общины не только не замерла, но продолжается, отливаясь в ещё более прекрасные формы. Думается, так именно и должно быть в Церкви Христовой. Вечно она возрождается в скорбях и гонениях, являя себя в новых формах. Будем молиться, чтобы сию Свою милость не прекратил, но прибавил к нам Господь. Новых братьев и сестёр принимаю к нам с всяким радушием, вниманием, снисхождением. Не дичитесь их, напротив, покажите им свою любовь. Привет им от меня смиренного. С великой радостью я бы повидал их» (2(15) апреля 1923 г.).

На 1926–1928 гг. пришёлся относительно благоприятный период существования братства. Конечно, его жизнь и деятельность официально оставалась нелегальной, но в то же время прямо не преследовалась. Несмотря на арест и ссылку епископа Иннокентия, Александро-Невское братство по-прежнему возглавляли три находившихся между собой в тесном духовном общении и единстве руководители — отцы Гурий и Лев (Егоровы) и о. Варлаам (Сацердотский).

Архим. Гурий, предчувствуя очередной скорый арест, написал 29 ноября 1928 г. наставления сестрам: «1. Ходить в храм по возможности ежедневно. 2. Присутствовать неуклонно на домашних молитвах (утренняя и вечерняя молитва, повечерие и др.) и выполнять ее благоговейно, строго придерживаясь установленных часов. 3. Аккуратно выполнять свое личное правило, как молитвенное, так и библийское. 4. Говорить только необходимое. 5. Между собой хранить мир и дружбу, относясь друг к другу терпимо, снисходительно, благожелательно и услужливо. 6. Без моего благословения не предпринимать ничего серьезного. Где бы я ни был, за мною остается главное руководство. 7. Стар-

ра Варфоломеева] или лаврского о. Гурия [Комиссарова]. Не оставляйте Иисусовой молитвы. Каждый день читайте Библию, Псалтырь и что-нибудь духовно-нравственное. Заботьтесь друг о друге».

Предчувствие не обмануло архим. Гурия — 24 декабря 1928 г. он был арестован. 22 июля 1929 г. Коллегия ОГПУ приговорила о. Гурия к 5 годам лагерей, он был отправлен в Беломоро-Балтийский лагерь на строительство канала и вернулся жить в Ленинград только через 30 лет — в конце 1950-х гг. уже в сане митрополита.

С рубежа 1928–1929 гг. ситуация, в которой действовало Александро-Невское братство, существенно изменилась, быстро стала нарастать волна массовых гонений и репрессий против всех течений Русской Православной Церкви. Судя по сохранившимся архивным документам и воспоминаниям, к моменту разгрома братства в феврале 1932 г. число его известных пофамильно членов составляло более 100 человек.

Историк А. Краснов-Левитин сохранил драгоценные воспоминания об одной из последних служб в главном храме братства: «Я помню день 11 февраля 1932 г. Воскресенье. Я был у обедни в верхнем храме Федоровского собора. Литургию совершал настоятель архимандрит Лев. Это была неделя о мытаре Закхее. И после литургии отец Лев говорил на тему воскресного Евангелия. Рассказав о Закхее, влезшем на дерево, чтобы увидеть Христа, архимандрит сказал: «И мы, чтобы видеть Христа взбираемся на высокое дерево, терпим многие лишения и несчастья. Чтобы видеть Христа, мы терпим многие муки...» А через несколько дней, 18 февраля, всю братию Федоровского собора арестовали. Из них, кроме Серафима Гаврилова, не вернулся никто. Все погибли в лагерях — взошли на высокое дерево, откуда видел Христос!»

В материале использованы отрывки из книги М.В.Шкаровского «Александро-Невское братство 1918–1932 гг.»

1 Антонян В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. Вып. 15. М.: СПб., 1993. С. 426; Филимонов В.П. Святой преподобный Серафим Вирский и Русская Голгофа. СПб., 2001. С. 294–295.

Из истории братства Святого Креста

Особый интерес представляет собой брошюра «Что такое братство Святого креста?», в которой о. Иоанн Егоров формулирует основные принципы и направления братской жизни.

Обосновывая необходимость братской жизни, о. Иоанн обращается к опыту ранней церкви: «То, что первые христиане называли церковью, было тесно-сплоченная группа верующих, соборно живущих в молитве...» Он отмечает миссионерскую направленность ранней церкви: «...И верные обетования Христа, христиане не в одиночку, но тесно-сплоченными группами, рука об руку, соборно выступили на спасение труждающихся и обремененных людей от язвительных уколов адского жала — зла и греха». О. Иоанн пишет, что братская экклезиология строится не на географическом, а на личностном единстве: «Эта сплоченность — была не географической только, но религиозно-психологической, прежде всего. То есть не место, и не плотское, что связано с местом; не человеческое, например, единство быта, воспитания, состояния, образования связывало группу; но единство религиозных переживаний <...> взаимные отношения христиан определялись единством живого ощущения Живого Бога, единого в Троице. Это единство было руководящим правилом жизни, определяло все поступки».

Для о. Иоанна Егорова безусловно, что подлинная христианская жизнь возможна лишь в Церкви: «В одиночку жить, значит жить без Христа, потому что непременно слово Христа. Мф.18.20». Поэтому он призывает своих читателей-слушателей к «сплочению в группы-церкви», ибо «не думаете ли в одиночку или себялюбиво выделяющейся сектой побеждать зло?».

О. Иоанн видит вокруг много отчаявшихся, унывающих людей и пишет о том, что их нельзя называть христианами: «Скажешь: "Они называют себя христианами, они крещены, они ходят в церковь..." Но назвать себя христианином, не значит быть христианином; от благодати решения можно каждую минуту отречься, и тогда она не действует. Можно ходить в церковь, но молиться по-язычески, себялюбиво».

Во второй части брошюры о. Иоанн пишет о трех основных проявлениях братской жизни:

1. «Если Братство наше должно быть церковью, то первое и главное, в чем выразится жизнь нашего Братства-церкви, — это **соборная, едиными устами и единым сердцем молитва в храме**. Члены братства признаются объединяться в молитве друг с другом и устранять все внутренние и внешние препятствия к этому. Внешние препятствия — неблагоприятное поведение в храме (шум, разговоры, ненужные хождения и т.д.); внутренние — гордое, себялюбивое выделение себя из других.

2. **Духовная взаимопомощь** — второе направление братской жизни. О. Иоанн характеризует духовное состояние эпохи как отчуждение и одиночество. Одиночество житейское, интеллектуальное («в мыслях»), духовное («религиозное») очень трудно переживается людьми. «Нужде материальной или пьянству в большинстве случаев предшествовала нужда в ласковом слове, в искреннем сочувствии». Поэтому члены братства, когда видят страдающего или слышат стоны умирающего, должны «помочь, утешить, ободрить, успокоить, поддержать...»

3. И наконец, третьим направлением братской жизни о. Иоанн называет **помощь нуждающимся**. При этом он говорит, что не имеет смысла пытаться спасти сразу всех. «Лучше, сколько можем, пойдем на помощь. Изберем хоть одного, и ему поможем как следует. Всех не выверем, но одного-двух каждый может спасти».

Из бакалаврской работы выпускницы СФИ Юлии Балакишиной «Жизнь и деятельность прот. Иоанна Егорова»

НАМ ВАЖНО ЗНАТЬ НАШИ КОРНИ

Фрагмент доклада свящ. Георгия Кочеткова «Каждый дюйм весны был нами измерен и возлюблен» (С.Н. Булгаков. Автобиографический очерк). Наша традиция общинно-братской жизни и ее внутреннее развитие», прочитанного на XX Преображенском соборе братства 16 августа 2009 г.

Давайте вспомним времена общины учеников Христовых, которая была одновременно и неиерархической общиной, и братством апостолов. Книга Деяний рассказывает нам, что все они после Воскресения и Вознесения Спасителя и после сошествия Святого Духа пребывали вместе с нововеровавшими тысячами людей в учении апостольском, в общении, в преломлении хлеба и в молитвах, что они единодушно собирались по домам почти каждый день, благодарили за дары Христовой любви, за Его обещание прийти и не замедлить, благодарили и за сам дар Святого Духа. Чаще всего в Евангелии говорится о двенадцати учениках — и это то, что может быть прообразом христианской общины, а иногда говорится о семидесяти учениках, что, безусловно, может служить прообразом христианского братства. Апостол Пётр, не колеблясь, говорил: «Братство любите» — не потому что не было любви, а потому что любви всегда не хватает, и нет предела этой любви. «Братство любите» — это значит восходите от силы в силу, не оборачиваясь назад, не опуская рук при трудностях, согрешениях и неудачах, это призыв вперёд, к Царству Небесному. Братство в таком контексте, конечно, могло быть тождественно самой раннехристианской общине, той, которая состояла из первых тысяч человек. Но оно могло быть и не тождественно ей. В нём, в этом братстве, ещё не было иерархических отношений. Были старшие и младшие, были более уважаемые и почитавшиеся столпами, как говорит о некоторых апостолах из двенадцати апостол Павел, а были другие, но в таких братствах всегда была переконность, и значит, с одной стороны, универсальность и соборность, а с другой — личностность. Каждый человек был бесконечно ценен, важен — для всех, как для Бога, так и для церкви, для братства и общины. В этом братстве всегда была ответственность за Бога и Его дело, хотя почти не было тех вывешенных границ, которые позволяли бы чётко требовать ответственности от членов церкви, живущих на земле, в истории. Была ответственность за всех в церкви и за всё в ней. В этом выражалась ответственность за Бога и Его дело, а Его дело, как вы помните, в первую очередь было дело свидетельства тем, кто ещё не уверовал, но был уже призван к вере.

По милости Божьей недавно нами была открыта и осознана общинно-братская экклезиология, которая в чистом виде существовала в христианской истории только в очень древние первоначальные времена — в первом веке и в первой половине второго века, и уже лишь отчасти до третьего — начала четвёртого веков. Постепенно в середине второго века сложилась евхаристическая экклезиология с присутствием еди поместно-приходским принципом. А за евхаристической экклезиологией в пред-«константиновский» период церковной истории (с середины III века) последовала экклезиология поместно-приходская. Вместе с возникновением принципа обязательной поместности и «должностной» иерархичности в церкви в то же самое время возникло новое представление, а затем и учение о церковных таинствах, о догматах и канонах. И всё это — под сильным влиянием или римского права, или законничества несколько ветхозаветного плана. В то же самое время в церкви возникает канон книг Священного писания Нового завета и Ветхого завета, возникает в христианской среде и канон церковного собрания, в том числе епископских соборов, возникают отдельные места евхаристических церковных собраний — христианские храмы, возникает новая индивидуалистическая или даже дуалистическая аскетика и антропология, новое чётко зафиксированное богослужение (богослужение, которое практиковало первое поколение христиан, как вы помните, было традиционным, но содержало в себе очень много свободных форм).

С IV века постепенно стало складываться разделение между посвящённой иерархией и непосвящёнными мирянами, которых понимали как людей мирских или житейских. Для первых христиан такое разделение было бы немного странным, они бы его не приняли. Но жизнь менялась. Возникло разделение и между христианами, разделёнными на иерархию и мирян, и харизматиками, а также возникло не различие, а именно разделение трёх типов границ церкви, соответствующих трём принципам, выраженным уже в первые века христианства: «где Христос (или Дух Святой, или Святая Троица), там и Церковь»; «где Евхаристия, там и Церковь»; «где епископ, там и Церковь». К сожалению, со временем возникло разделение и между православными и неправославными христианами — причём неправославными, которые при этом не могли быть отождествлены с еретиками в древнем смысле слова. Древняя Церковь всего этого не знала. Со временем всё больше расстраивалось единство трёх главных законов христианской жизни: закона (правила) веры, закона (правила) молитвы, закона (правила) жизни. Lex credendi, lex orandi и lex vivendi всё больше и больше отходили друг от друга.

По мере истощения «константиновского» периода церковной истории, ещё с конца XVIII века, на христианском Востоке всё больше стали вспоминать о христианском общении и христианском братстве (на Западе проходили аналогичные процессы, но немного в иных формах и с иными, своими, проблемами). В этом движении на первом месте были некоторые монастыри, старцы и светские (но не мирские) ревнители древнего благочестия и пророческих даров. Именно они в первую



10 августа 2009 г. Братия и сестры Преображенского соборства на патриаршем богослужении в престольный праздник в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

очередь вспомнили о христианском общении и братстве. И эти ревнители, надо заметить, нередко были связаны судьбой с неправославными народами, традициями и культурами (достаточно вспомнить переводивших неправославных авторов свт. Тихона Задонского в России или св. Никодима Святогорца (Атигорита) в Греции, в Элладе).

Говоря об этом, вспомним св. Паисия Величковского, знаменитого украинского и молдавского старца, а в России — святых оптинских старцев. Здесь же я бы упомянул А.С. Пушкина и А.С. Хомякова. Очень важно помнить и опыт преп. Серафима Саровского и старцев и старцев «беседников» на Средней Волге и Южном Урале, воплощавших серафимовский идеал «монастыря в миру», руководимого харизматическим духовным отцом-старцем. Этот новый жизнеутверждающий идеал, как известно, вдохновлял и Фёдора Михайловича Достоевского, а затем, в начале XX века, о. Валентина Свенцицкого и, уже в эмиграции, — архиеп. Сан-Францисского Иоанна (Шаховского). Позже идеал и принцип «монастыря в миру» плавно перетёк в более соответствующий общинно-братской экклезиологии принцип «иночества в миру» всех верных².

Я называю не вообще всех, кто имел отношение к этим движениям — во всех церквях, во всех народах, во все времена — а самые значимые для нас с вами имена, тех, кто сыграл особо важную роль именно в нашей с вами жизни.

Особое значение для Русской православной церкви, как мы с вами хорошо знаем, имел период мощного внутреннего созревания и духовного подъёма в конце XIX — начале XX вв. Кроме наследников церковного идеала и принципа «монастыря в миру» и идеала харизматического «прозорливости», т.е. пророчествующего, старчества в Русской церкви того времени были хорошо известны возрождавшие регулярное причастие и общую исповедь св. Иоанн Кронштадтский и еп. Таврический Михаил (Грибановский), который в своих «Письмах» 20 декабря 1893 г., в частности, писал, что его внутренняя цель — «всё делать по любви к человеку и Богу, к чему бы этот долг ни привёл». Заметьте, здесь он почти революционно и сознательно на первое место ставит человека, не в подражание западным гуманистам, а потому что это была выстраданная им самим потребность, внутренняя потребность жизни. Внешнюю цель свою владыка Михаил (Грибановский) определил так: «всюду, где только можно, насаждать царство любви и гармонического развития личности в духе при помощи Христа». Причём он тут же добавил, что «в этом в сущности разрешается всё православие, все его догматы, вся его этика, все таинства, все обряды, вся жизнь... В проведении такого православия в жизнь частную, семейную, общественную и государственную — вся наша практическая задача», — говорил он. — В братском союзе сочувствующих и отдающихся всецело этой задаче людей — самый верный залог обновления православно-русской жизни! Наконец в этом письме владыка Михаил пишет: «Придётся ли им, — т.е. эти практические идеалы, — осуществлять легальным путём или путём протеста сверху или снизу — всё равно. Почему-то предчувствуется, — добавляет он, — что Бог приведёт скоро к последнему», т.е. к протесту. Он не верил, что само собой всё разрешится к лучшему. И он в конце концов говорит: «Но наше дело не рассуждать о том, что неизвестно, наше дело быть готовым к нему»³. Как недалёк он был от правды, в те-то годы, когда ещё не очень-то пахло революцией. И как мало кто мог его услышать.

Большое значение в начале XX в. для церкви имели труды замечательного русского экклезиолога и канониста Н.П. Аксакова, который в большинстве народа Божьего снова увидел не столько мирян, сколько царственный священство, способное и призванное свыше прямо участвовать в церковном управлении, в евхаристической молитве и церковной проповеди. Позже эти мысли блестяще развили в парижском Свято-Сергиевском институте, и прежде всего там это сделал открывший еври-

стическую экклезиологию протопресв. Николай Афанасьев, а также деятели русского евхаристического возрождения, в том числе о. Сергей Булгаков, основатель Sainte-Serge и создатель братства «София».

В само понятие и осуществление христианского общения и братской любви очень много внесли великие русские религиозные философы и мыслители: Н.А. Бердяев и о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, о. Георгий Флоровский и многие другие.

Конечно, особо важными для нас и нашей церкви были проросшие ещё до 1917 года, а после него бурно пошедшие в рост победы христианских общин и братств. Здесь более всего выявилось искание не просто потенциальной или символической, но именно реальной полноты христианской, евангельской жизни, нередко утрачиваемой в церкви в ходе истории и в личности верующего человека по мере проживания им своей земной жизни как своей личной судьбы. Создатели общин и братств всегда вдохновлялись Священным писанием, апостольским преданием, историей древней церкви и памятью о сыгравших свою значительную роль православных братствах, боровшихся с унией в XVI-XVII вв. на Украине, в Белоруссии и в Литве.

В первую очередь здесь надо упомянуть Крестовоздвиженское трудовое братство Николая Николаевича Неплюева в Черниговской губернии под Сумами и московские общины уже канонизированных оо. Алексия и Сергея Мечёвых. Не случайно именно мечёвские общины связывались с историческими покаянными духовными семьями и именно в них были возрождены общинные агапы, связанные не с тем или иным традиционным ритуалом, а с евхаристической жизнью самой общины. Не случайно с о. Алексием Мечёвым были тесно связаны и святые оптинские старцы, а также огненный русский пророк и апостол XX века Николай Александрович Бердяев. Сами о. Алексий и о. Сергей Мечёвы, как, по сути, и сам Николай Николаевич Неплюев, были милостью и благодатью Божьей подлинными церковными старцами, как бы «пресвитерами» в изначальном смысле этого слова и служения и подлинными старцами для своих подопечных. Именно такого рода церковное старшинство имеем до сих пор у самарских «беседников».

Интересно, что все общины и братства такого типа нередко были тесно связаны с тем или иным храмом, но не отождествляли себя с приходом и могли существовать независимо от него, как и от храма, в любом месте в любое время. Поместно-приходской принцип жизни в них, как правило, был преодолен. При этом евхаристия, становясь одним из действительно центральных моментов общинно-братской жизни, быстро приобретала новые черты, включая всё то, что уже было осознано в нашей церкви как недостающее в евхаристическом служении обычного, приходского типа. Об этом ярко писал ещё летом 1917 года в Киеве будущий священник и мученик за Христа Анатолий Журавковский — вспомним его статью «Литургический канон теперь и прежде», где в заключение он провидчески предрёк:

«Только религиозно, мистическое объединение душ и сердец не только в сфере внешних отношений, но в самых глубинах чувств и воли, будет началом нашего возрождения, — говорит он. — Быть может, наши современные приходы, как мы их знаем, окажутся даже неспособными к такому возрождению. Ведь они состоят ныне из лиц, связанных друг с другом только общностью храма и местожительством, но религиозно чужды друг другу. <...> Быть может, как это ни горько, лишь немногие приходы и лишь в некоторых частях окажутся способными к творческому возрождению. Другие же или будут прозябать по-прежнему в маразме безжизненности, или же загорятся каким-либо другим, вовсе не религиозным огнем, — предупреждал о. Анатолий. — Поэтому, быть может, лучший путь к объединению — не путь возрождения приходов, а путь организации внеприходских братств, братств, в которых объединятся те, в ком уже есть зародыш религиозного устремления друг к другу, зародыш Христовой любви, объединятся во главе с пастырями, которых сами изберут и признают своими руководителями. В братствах возродится первая, оставленная церковью любовь, христианство просветит своим светом всю полноту жизненных связей и отношений, расширится, заполнит собою всё, не оставив ничего языческого и безблаготного. Как магнит извлекает пылинки железа из кучи земли, так братства привлекут к себе из разрушенных приходов всё еще сколько-нибудь жизнеспособное. В них переплавится церковное тело и сделается вновь живым, трепетным, исполненным новыми силами и новой красотой. И вот тогда именно из недр таких объединённых в любви братств и вырвутся новые молитвы, потекут новые, ещё не слышанные миром, слова. В пределах братств литургия зазвучит совсем иначе, не так, как звучала она теперь в храме, где ей внимают распылённые и «уделенные» души; там откроется вся её божественная красота и вместе с её оскудением, рождённым веками того «окамененного нечувствия», в котором мы все пребывали». Это пишет молодой человек, почти юноша, только что вернувшийся с фронтов Первой мировой войны, и, напомним, ещё до октября 1917-го года.

Именно потребность в общинно-братской жизни привела и преподобномученицу великую княгиню Ели-

Окончание на с. 8

Нам важно знать наши корни

Окончание. Начало на с. 7

завету Фёдоровну к идее возродить во всей церкви чин дьяконисс, что начал делаться ещё свт. Филарет Московский в середине XIX века, а в Греции позже — и св. Нектарий Эгинский. Это дело Елизавета Фёдоровна начала со своей московской Марфо-Мариинской обители, подобной не столько монастырю, сколько общине или братству, точнее, сестричеству. Вспомним, что именно сестричество, а не монашество, хотел видеть в Дивеево и преп. Серафим.

Естественно, что параллельно с этим рос в церкви интерес к возрождению настоящей миссии и катехизации, а также к устроению новой системы христианского просвещения и образования, в том числе детей и молодежи. Большую роль здесь сыграли устроенные бароном Николаем и Владимиром Филимоновичем Марцинковским русские христианские студенческие кружки по изучению Евангелия и вообще Священного писания. Эти кружки стали большой частью того семени, из которого потом в Париже, и вообще в Западной Европе, в эмиграции выросло замечательное Русское христианское студенческое движение, которое в каком-то виде существует и до сих пор.

Всё это привело к тому, что не всю Россию и не всю Русскую церковь, но лучшую её часть к глубокому устремлению к задаче преображения и оцерковления всей жизни, к задаче церковного обновления и возрождения, задаче воцерковления жизни мира и человека. Это произошло как раз к 1917 году, но именно в это время схлестнулись светлые силы, собравшиеся летом этого года на Московский собор, и тёмные силы, вылившиеся в революционные волнения в феврале и октябре этого года.

Собор 1917–1918 гг., несмотря ни на что, стал поворотной вехой русской, да и не только русской, церковной истории. Жить в церкви по-старому уже было невозможно ни по внутренним, ни по внешним причинам. Для нашей церкви заканчивался «константиновский» период её истории. Св. патриарх Тихон после революции 1917 года пытался опереться на общины и братства, но сил у них было ещё недостаточно. Однако их число, несмотря на сопротивление советской власти, постоянно росло, особенно в таких центрах как Москва, Петроград, Киев и Великий Новгород. К прежде существовавшим прибавились братства и общины вокруг многих «непоминающих» священников, т.е. тех, кто отказался почитать заместителя патриаршего местоблюстителя — митрополита Сергея, а также в Москве — община о. Сергея Савельева, в Петрограде — община о. Иоанна Егорова и Александро-Невское братство (даже содружество братств), в Киеве — общины о. Анатолия Журавковского, архим. Спиридона (Кислякова), а также Глаголевых, в Великом Новгороде — братство и общины викарного еп. Череповецкого Макария (Опоцкого) и многие другие. Практически все деятели общинно-братского движения в церкви закончили свою жизнь как мученики и исповедники веры, многие канонизированы или ждут своей канонизации.

Интересно, что в первой половине XX века по воле Божьей общинно-братское движение начинает зарождаться и развиваться и в других странах и церквях. Одновременно с РСХД (Франция) благодаря о. Иосифу Трифе возникает «Воинство Господне» (Румыния). После Второй мировой войны рождаются всеправославное братство молодежи «Синдесмос», греческие братства «Зои», «Сотир» и др. В католичестве после войны и особенно после II Ватиканского собора возникает движение фокляров, братство Сант-Элжидио, монастырские общины в Тэзе и в Бозе, братство блаж. Шарля де Фуко, общины Жака Лёва и Жана Ванье и т.д. Новую реальность и новый опыт общин и братств признали папы Павел VI и Иоанн-Павел II. В протестантизме удивительно глубоко и ярко писал о братско-общинной жизни исповедник веры пастор Дитрих Бонхёффер.

О подвиге христианского общения напоминают и своими творениями, и своей жизнью многие наследники русского христианского возрождения: схим. дьяконисса Мария (Скобцова), епископ Пражский Сергей (Королёв), прот. Василий Зеньковский, прот. Георгий Флоровский, протопресв. Александр Шмеман и прот. Иоанн Мейендорф. Об этом же говорили в своих трудах митрополиты Антоний Сурожский и Иоанн (Зизюлас) и многие другие.

Таким образом, к концу XX века вся Церковь Христова стала вспоминать, что она есть и должна быть Церковью Духа Святого. Она устремилась к новому общению, которое по-новому выражает любовь к Богу и ближним через общины и братства, через общинно-братскую жизнь, которая есть особого рода «иночество в миру». Можно даже сказать, что вся Церковь желает общинно-братской жизни, которая её по-новому высветляет и объединяет.

Вот первая часть моего доклада. То, о чем я говорил, помогает нам видеть, как наше движение укоренено в традиции, позволяет нам быть совершенно уверенными в том, что мы не самозванцы. Да, мы это знаем внутри себя, но тот или иной человек может ошибиться, как часто это бывало в истории. Поэтому-то нам важно знать наши корни, и я постарался напомнить о них.

1 Термин «общинная экклезиология» впервые прозвучал в 2001 г. на заседании Синодальной богословской комиссии из уст профессора-протопресвитера Виталия Борового

2 Достаточно вспомнить работу архиеп. Иоанна (Шаховского) «Белое иночество».

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 6 ЛЕТ



ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр „Преображение“»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва,

ул. Покровка, д. 29, стр. 1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© МОО «Культурно-просветительский центр „Преображение“».

Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:

А.Б. Кольмагина

Зам. гл. редактора:

А.А. Буров

Электронный адрес редакции:

kifa@list.ru

Электронная версия газеты:

http://gazetakifa.ru

Над номером работали:

Анастасия Наконечная,

Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,

Дмитрий Дорошко, Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной

службой по надзору за соблюдением

законодательства в сфере массовых

коммуникаций и охраны культурного

наследия. Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Дизайн: Андрей Мареев

Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эпиф»,

г. Москва, ул. Тацкая, д. 5

Тираж 1500. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 2 сентября 2009 г.

Время подписания в печать:

по графику — 9,00, фактическое — 9,00

Дата выхода в свет 6 сентября 2009 г.

ДЛЯ БОГА НЕТ СТЕН И РЕШЕТОК

Летом этого года во время паломничества группа членов малого Боголюбского православного братства посетила колонию-поселение в с. Михайловское Боголовского района Тверской области. Там состоялась встреча с заключенными. Об этой встрече рассказывает один из членов братства, преподаватель Тверского государственного университета Игорь Корпусов.



Когда наш председатель братства сказал мне, что в паломничестве мы посетим тюрьму, и предложил подумать, что можно там показать и сказать, я вдруг обнаружил, что идей нет никаких. Опыт общения с заключенными исчерпывался несколькими эпизодами встреч с освободившимися из мест заключения людьми.

Но, собравшись с духом, уже в паломничестве едем к лечебно-исправительному учреждению №3. Это колония-поселение для заключенных, больных туберкулезом. Поднимается шлагбаум, и мы около административного корпуса. Пока нам оформляют пропуска, осматриваемся. Типично сельский пейзаж: река, за ней свиная ферма, стоит трактор, пастух гонит стадо коров. Лишь приглядевшись, замечаешь деталь, нетипичную для нынешней деревни: все работники — мужчины. Сидим в небольшой беседке, обсуждаем предстоящую встречу. Отец Василий из села Лыкошино, что неподалеку, договаривается с администрацией о встрече. Здесь он частый гость. При всей своей занятости отец Василий регулярно приходит сюда на это непростое служение, связанное и с напряжением и с известным риском, заботясь о своей пастве. В этот раз вместе с ним идем и мы.

Наконец документы готовы, идем к зданию тюрьмы. Проходя по сельским улочкам, подходим к КПП. Вокруг нас колючая проволока, рядом вышка. Заходим в узкий коридор. Дальше пройти можно только когда закроешь за собой предыдущую дверь, тогда открывается следующая. Как шлюзы на реке. Сдав документы и телефоны и в очередной раз «отшлюзовавшись», оказываемся перед темно-зеленой дверью с надписью белой краской «Осторожно туберкулез». Как пограничный столб между страной болезни и остальным миром. Дверь открывается и, пройдя небольшой коридор, неожиданно нос к носу сталкиваемся с заключенным. К моему удивлению он вежливо здоровается, и мы оказываемся в толпе одинаково одетых людей, занимающихся уборкой внутреннего двора тюрьмы. Наш путь лежит к месту встречи мимо двухэтажных зданий с решетками на окнах, окруженных проволочными заборами. Вдоль этих заграждений стоят люди в черных, одинаковых робах и молча, но очень внимательно на нас смотрят. Под прищелком этих глаз мы идем к месту намеченного события.

Встреча намечена в здании столовой. Несколько секунд, чтобы побороть в себе отвращение от неприятного запаха, и мы осваиваемся в помещении. Заключенные помогают повесить экран и подтягивают электричество.

Мы начинаем встречу с короткого фильма о матери Марии. Потом рассказываем о Церкви и о нашем братстве. Сначала немного трудно, но потом, когда видишь обычные человеческие лица, приходит понимание, как говорить, уходят тяжесть и неловкость первых минут. После наших слов начинается разговор о вере, трезвости, смертной казни. Человек, обретший веру в тюрьме, говорит нам,

что когда вышел на свободу, то мечтал вернуться, потому что на свободе о Боге забывал — и вот он опять здесь на 20 лет. Странное, противоречивое впечатление от этих слов. Как и от многого, что довелось увидеть и услышать.

Встреча идет долго, явно больше положенных полутора часов. Представители администрации в самом начале вежливо удалились. Лишь в конце, когда к нам пришли с переключкой, которая, как нам сказали, должна проходить по отрядам, мы поняли, что уже вышли за всечасные рамки «режима». Но нас не прерывали. В конце мы подарили книги, которые были собраны по братству перед паломничеством специально для этой колонии.

После общего разговора нас по одному окружили заключенные. Каждый говорил о том, что его наиболее тронуло в состоявшейся встрече. После окончания разговора мы прошли в молитвенную комнату, расположенную в здании школы. За нами могли пройти только староста местной группы православных и протестант-пятидесятник. Здесь разговор продолжается уже в более узком кругу. Староста рассказывает, как проходит молитвы, удается ли совмещать распорядок зоны и богослужения. Протестант начинает говорить о судьбе тяжелобольных, у которых нет нормальных условий для лечения. Тут я понимаю, что при всех наших впечатлениях, от наиболее тяжелых вещей здесь мы были избавлены.

Оказывается, при том, что нас ждали, не очень верили, что придем. К тому, что ходят протестанты, привыкли. А вот православные — это один багрянец. Так, чтобы пришли миряне и числом более одного, нам признались, что не верилось. Но именно то, что мы были вместе, мы — христиане, собранные в церкви в одном братстве, позволило нам свидетельствовать, говорить о Боге, Церкви и братстве ясно и открыто. И пусть мы с первого раза не всё поняли, как и о чем говорить с этими людьми. Но людей мы в них увидели, и наша встреча состоялась. Может быть, поэтому идти назал к КПП по зоне было легко. Колючая проволока и внимательные взгляды уже не давили. Потому что мы увидели, что и здесь есть жизнь со Христом. Мы смогли и прикоснуться к этой жизни, и сами засвидетельствовать о том, что для промысла Божия нет стен и решеток. И вслуду Господь дает людям силы, даже в таких ситуациях, и укрепляет их верой. Было радостно и легко оттого, что Господь позволил нам хоть немного, но послужить Ему в этом.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769

(Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова),

158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);

Архангельск: 8-921-073-3276 (Надежда Макурина);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);

Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);

Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)

Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)